

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В МАРИЙСКОМ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

HISTORICAL MEMORY IN THE MARI ETHNIC AND CULTURAL LANDSCAPE OF THE KIROV REGION

O. Khodyreva

Summary. The meaning of the Mari's sacral landscapes (situated on the territory of the Yaransk, Sovetsk, Malmyzh areas of the Kirov region and devoted to the worship of legendary ancestors) is revealed in the article. The architecture of these memorial places and the cult features related to such components of Mari pagan ideology as belief in keremets, nars, protection of legendary heroes. The meaning of the memorial centres is revealed through studying the peculiarities of the worship of mountains, trees and water, and images of heroic ancestors in folk legends. The deep folk affection to locus of its dwelling as the land of their ancestors is shown in worship of the memorial places of ethnocultural landscape.

Keywords: ethno-cultural landscape, Mari paganism, folklore

Ходырева Ольга Владимировна

Кандидат культурологии, доцент, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет» (г. Киров)
olgadesatkova@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрывается семантика марийских сакральных ландшафтов, расположенных на территории Яранского, Советского, Малмыжского районов Кировской области и посвящённых поклонению легендарным предкам. Священные места и особенности культа соотносятся с такими компонентами языческого мировоззрения как вера в «кереметей» и покровительство легендарных богатырей. Семантика сакральных мест раскрывается через изучение особенностей почитания гор, деревьев и водоёмов, а также образов героических предков в народных легендах. В почитании мемориальных мест этнокультурного ландшафта проявляется глубинная привязанность народа к локусу его обитания как земле предков.

Ключевые слова: этнокультурный ландшафт, марийское язычество, фольклор.

Южные районы Кировской области были территорией проживания марийского народа с IX — XI вв. — к этому времени исследователи относят окончание процесса освоения луговыми марийцами Ветлужско-Вятского междуречья. В национальном фольклоре сохранилась память о том, что они обосновались на правом берегу Вятки, спустившись по Волге [1; 284]. В XIII — XVI вв. марийцы чётко разделялись на этнографические группы. Ареал расселения луговых, к которым относятся вятские марийцы, находится восточней Малой Кокшаги [2; 107]. Народные предания позволяют сделать и более детальное разделение луговых мари Вятки: шурминские марийцы переселились под предводительством Тюкан-шура, лебяжские — Кукарки Горного, котельничские — Кокшара, малмыжские считают себя потомками рода Болтуша [1; 284].

Формируя жизненное пространство, всякий народ наделяет физический ландшафт собственными культурными смыслами. В марийском языческом мировоззрении каждая местность мыслилась населённой особыми «кереметями». Так, С.К. Кузнецов упоминает о мосте через Немду (Немды кубар), под которым, по местным поверьям, жил страшный «керемет», который старался всякого стащить в реку [3; 467]. Гидроним указывает на почитание Немды — героя марийского эпоса. В Кировской области это, во-первых, левый приток Вятки. Немда протекает по территории Уржумского и Немско-

го районов. Во-вторых, река Немда — правый приток Пижмы, на берегах которой находится необычный для равнинного ландшафта региона природный памятник, включающий пещеры, скалы, водопад, а также сакральное место марийцев — гора Бумбылата. Комплекс расположен на территории Советского района, неподалёку от бывшего марийского поселения Кукарки.

Мифы о богатыре Немде представлены в поэме «Юпу», где систематизированы марийские фольклорные тексты, записанные в Башкирии. Как утверждает составитель, сюжет о Немде впитал архаический мифологический комплекс, наиболее полно сохранившийся среди восточных марийцев, которые исторически являются потомками переселенцев из луговых марийцев [4]. В повествовании просматриваются архетипические мотивы: сирота, полубог-получеловек Немда был вскормлен последним нармом (великаном) и сам вырос «... выше прочих // Среди людей весьма заметным» [5]. Нар завещал Немде продолжать дело исчезнувших великанов — защищать «народ мерийский». Волшебным мечом Немда сразил чудовищного, непобедимого змея, в жертву которому приносили девушек [5].

Если Немда — мифологический герой, то расположенная на берегу особо почитаемая марийцами святая Чумбылатова гора связана с культом исторической личности. Для марийской религии характерно обожест-

вление князей, которые выполняли функции военачальников и первосвященников. Через 77 лет после смерти князя к нему обращались с молитвой, и если происходили исцеления от болезней и прочие чудеса, умерший признавался святым.

Согласно легенде, столицей Чумбылата, объединившего в XII в. марийские племена, была Кукарка. В иерархии языческого культа, как и Немда, Чумбылат приравнивался к высшим богам, им следовало приносить наиболее значительную жертву: «Чимбылату — вороную лошадь, Немде-курук-кугузу — лошадь в 100 р.» [6;170]. Чтили Чумбылата и уржумские марийцы, называвшие его Немды курук кугуза (дедушка Немдинской горы) [3;541], «великим горным человеком» [7;7]. Марийский эпос поэтизирует архаичные смыслы почитания камней и скал. Создавая мирозданье, Великая Праматерь снесла два яйца, одно из которых — каменное. Из камней родился первозданный ящер — «дух холмов и круч отвесных // Прародитель красной глины», культ которого воплощается в почитании священных гор. Данное представление слилось с культом предков в виде почитания горы Чумбылата — богатыря и защитника марийского народа.

Согласно легенде, перед смертью великан обещал: «Всем когда-нибудь будет очень трудно, моему народу, вы только скажите... волшебные слова, и я приду» и приказал замуровать себя в скале. Однажды действительно появился сильный враг, «стал окружать черемисов... И вот тогда вспомнили эти слова и обратились к Чумбылату. И он встал и всех врагов порушил. И снова лёг к себе в могилу... это увидели ребяташки маленькие, и тоже через некоторое время давай его будить так же... Он встал и, увидев обман, сообщил, что больше вставать не сможет» [1;286].

В процессе христианизации это святилище утратило свой изначальный вид, в 1830 г. оно было взорвано. С.К. Кузнецов описал его в 1880-х: утёс образован слева — сухим оврагом, справа — Немдой и имеет отвесные края. Крайний, мысовой конец, обращённый на ЮЮЗ, — несколько отложе. Здесь вырублены ступеньки, ведущие к подножию скалы. Налево от лестницы, в сторону сухого оврага, располагался алтарь в виде огромного, висевшего над оврагом гладко обтесанного кубического камня, на котором возжигался костёр Чумбылату. Тропинка у подножия горы сворачивала на СЗ, далее — вновь лестница, спускающаяся в реку. В давние времена скала была окружена густым лесом, где язычники совершали жертвоприношения [3; 476–577]. Этот обряд показан на гравюре, опубликованной в книге «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» А. Олеарием: двое с воздетыми руками молятся перед двумя деревьями, на которых укреплен коровья шкура с головой и рогами. Далее — группа из шести человек,

один из которых протянул руки над котлом, в котором на костре варится жертвенное мясо. К вершинам деревьев поднимается дым. Правее — священные деревья, на двух из которых, скрепленных перекладной, развешаны полотенца, на берёзе — шкура [3;455].

Поклонение священным деревьям, приготовление жертвы на костре — обязательные атрибуты марийского языческого культа, направленного на установление контакта с существами потустороннего мира. В марийском язычестве все умершие воспринимаются как «керемети», способные причинять зло живым, или «боги», держащие в своих руках счастье и несчастье человека [6;157]. Этим объясняется гневная речь, с которой Чумбылат якобы обратился к своему народу: «... Я вас спасал от всякого врага, а вы надо мной издеваться начали, понапрасну меня тревожить! За это я... не оборонять буду вас от врагов, а сам стану всячески вредить вам... И всякая жертва только один раз спасёт вас от моего гнева!» [1;453]

Постоянное ощущение неоплаченного долга перед великаном заставляет верующих делать жертвоприношения не только в дни общемарийских молений на горе, но и в посвящённых Чумбылату рощах (кюс-ото) в других районах. Вероятно, это обстоятельство объясняет причину сакрализации озера в с. Мари-Ушем Яранского района. Богатырь (Батыр) здесь не персонифицирован, поскольку слово «батыр», заимствованное, вероятно, у татар, переводится как «храбрец», «богатырь». Батыр жил в селе и перед смертью указал место, где его следует похоронить. Кроме того, в местной легенде содержатся такие мотивы сказания о Чумбылате как вера в чудесную помощь богатыря и его гнев в результате посмеявшихся над ним детей: «Он рассердился, взял камень, который лежал на его могиле, и на этом месте образовалось озеро» [8].

Священные места Малмыжского района связаны с памятью о завоеваниях края Иваном Грозным. Как пишет А.Г. Бахтин, «Малмыжское княжество» представляло собой сильный племенной союз и стояло на пороге создания варварского государства [2;113]. В середине XVI в. его князем был Болтуш (Полтыш, в переводе с марийского «бляха», «застёжка»). Болтуш якобы служил «татарскому хану Тархану» [1;289]. Исследователи предполагают, что в административной системе Казанского ханства Полтыш был тысячником Арской дороги [7;20]. Если одни легенды утверждают, что Болтуш сражался с воеводой Ивана Грозного Адашевым, то согласно другой, после пленения Болтуш воевал с русскими против марийцев. Согласно третьему преданию, князя убили марийцы после того, как внезапно разбуженный Болтуш начал по ошибке рубить своих же воинов [1; 290–291]. Однако М.Г. Худяков утверждал, что князь был смертель-

но ранен при отступлении в сражении с московскими войсками, был похоронен братом Токтаушем, который впоследствии и перешёл на сторону русских [9;71].

Местные предания сообщают, что князь был похоронен на так называемой Болтушиной горе в кольчуге и с заколотым конём. По традиции марийского похоронного обряда на его могиле была посажена береза. Местные жители рассказывали, что эта береза засохла и упала, вместо неё посадили другую. «Теперь к этой березе ходят по обычаю, когда в семье кто-нибудь заболел» [1;289]. И по сей день здесь проходят марийские моления. Существует поверье, что раз в год ночью князь выходит из могилы, осматривает свои владения с высокого, обрывистого берега Шошмы, где приносятся жертвы и где лежит жертвенный камень. Вокруг священного костра собираются души погибших в бою.

Легенда, записанная в Санчурском районе, определяет могилу Болтуша на месте марийской крепости Шамшура, которую якобы построил сам Болтуш для обороны черемисских земель от войска Ивана Грозного. После второго неудавшегося штурма воевода Дерябин, испугавшийся царского гнева, перешёл на сторону Болтуша. После этого русские «забили ядрами Шаншур-крепость», Болтуш был убит. «И велел Иван Васильевич Грозный-царь // ... собрать всех убитых ратников // И черемисских воинов, // И похоронить их на месте той крепости...» С тех пор ходит по ночам Болтуш на валах, где ранее были стены крепости Шаншуры. «...И плачет Болтауш совиным голосом. // А кто услышит в пути плач Болтауша... // Тот спешит скорее от места долой...» [10;102–103]

Противоречивость точек зрения, выражаемых народными легендами по поводу того, на какой стороне сражались марийские князья, может быть и особенностью устной истории, где историческая правда искажена, и отражением реалий XVI в. Земли луговых мари тогда располагались на периферии Казанского ханства и Московского государства, они рассматривались как «казанская Украина». Так, князь Акпатыр в одних преданиях называется помощником Ивана Грозного, в других соратником Болтуша, «князем меньшего ранга» [1;288–289].

Могила Акпатыра почитается в Малмыжском районе, на окраине с. Большой Китяк — на границе с Республикой Татарстан. В преданиях сохранилась память о том, что здесь, по берегам Бурицы (правый приток Вятки), в с. Большой Китяк, а также соседних поселениях Адаево, Кумаево, расположенных на территории Кукморского района Татарстана, ещё до Акпатыра «проживало много марийцев», которые «приняли магометанскую веру и превратились в татар»: «О том, что все они — выходцы

из марийского племени, знают только очень немногие пожилые люди» [1;287].

Расположение марийских поселений на границе с татарскими способствовало возникновению своеобразных по своей семантике сакральных мест. Само имя богатыря состоит из татарского «ак» — белый и марийского слова «патыр» — силач, богатырь. Согласно одной из легенд, своё имя Акпатыр получил от татарских мурз, у которых работал кучером и спасал «от всяких непредвиденных случаев» [1;287]. Могущество князя, благоденствие народа обеспечивала спрятанная в подвале акпатырова дома чудесная золотая утка, которая плавала в большой кадке с мёдом. Но вторая жена князя раскрыла эту тайну, и наступили тяжёлые времена, «не стало у него богатства, позабылись его добрые дела и имя». После смерти Акпатыра на китякских марийцев семь раз обрушивались различные несчастья. Желание «избавиться от такой жизни» легенда считает причиной начавшегося почитания Акпатыра.

Кроме того, в малмыжских преданиях Акпатыр упоминается вместе с братьями Шиквавой и Казакларом. Трёх братьям «всевышний дал... знание, как распознавать и вылечивать от разных болезней...» [1;289] Одна из легенд утверждает, что Акпатыр — сын самого Болтуша, отданный татарскому мурзе. Акпатыр вырос в татарской семье вместе с братьями Шаех-баба и Хальфа-баба, почитавшиеся в татарской культуре как суфийские просветители [11]. Версию о происхождении имён, а также культа святых Шиквавы и Казаклара, могилы которых почитались на территории Кукморского района, высказывал местный имам. В деревнях Адаево и Казакларе находятся могилы мусульманских святых Бейраша Бен Ибраша и Им-Мухеммеда Тугук-Мухаммедова, отождествлённых в марийской легенде с Акпатыром. Именем Адай марийцы называли Им-Мухаммеда, а Бен Ибрашу — Казакларом, по названию деревень, на кладбищах которых были похоронены мусульманские святые [3;337]. Не случайно марийское население утверждало, что татары «тоже чтит наших князей, только называли по-своему — Адай» [1;289]. Одновременно с этим из прозвища Им-Мухаммеда Шах-баба марийцы вывели имя Шиквавы.

Местоположение сакральных мест предания обосновывают выбором самих князей. Акпатыр якобы незадолго до своей смерти пустил стрелу из лука, которая упала ниже деревни Большой Китяк. Напротив акпатыровой могилы, расположена могила Казаклара, а Шиквава попросил себя похоронить на высоком месте татарского кладбища.

Культ Акпатыра и Шиквавы имеет особенности, отличающие его от традиционного марийского культа

предков: не смотря на то, что умерший — человек, его чтили не как злого духа. В надмогильном срубе Ада-я-Шиквавы, в отличие от могилы Акпатыра, не было битой посуды, и прихожане ограничивались денежными приношениями [3;338–339]. Вместе с тем в основе культа Акпатыра просматриваются также и марийские представления, возникшие ещё до обращения татар в ислам. Могила Акпатыра традиционно расположена около кладбища и кысь-ото. По воспоминаниям приверженца марийского язычества Н. И. Зайцева, сюда приходили в Петров день, в жертву приносили гусей или уток [12]. Как известно, в марийском языческом календаре в этот день отмечался Сурем (Кусё) — кульминационный летний праздник, когда проводился обряд изгнания злых сил и делались коллективные жертвоприношения [13].

Таким образом, почитание могил марийских вождей формировало национальную идентичность, культурный код, в котором хранится историческая память и воспроизводится чувство единства народа и проявляется глубинная привязанность к локусу обитания как земле предков. Религиозная природа этой привязанности трансформирует образы реальных исторических личностей, которые мифологизируются, а их почитание обретает иррациональные черты культа предков. На-слаиваясь на более древние представления, этот культ становится частью национальной картины мира. В системе архаичной культуры сакральные места — это ритуальные пространства, которые рассматриваются в качестве ментальной границы, разделяющей миры живых и мёртвых, в таких священных ландшафтах рода потомки ищут покровительства легендарных предков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова, А. А. История Вятского края в преданиях, легендах и песнях / сост., вст. ст., коммент. А. А. Ивановой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. 471 с.
2. Бахтин А. Г. Марийский край в XIII — XVI веках: очерки по истории / Мар. гос. ун-т. — Йошкар-ола, 2012. 660 с.
3. Кузнецов С. К. Святыни. Культ предков. Древняя история. Йошкар-Ола, Центр-музей им. В. Колумба, ГУП РМЭ «Марийское книжное издательство, 2009. 702 с.
4. Энциклопедия Республики Марий Эл / отв. ред. Н. И. Сараева. Йошкар-Ола, Галерея 2009. С. 520–521
5. Юпу или дерево богов. Марийский эпос. Книги I–IV. URL: <http://www.arcto.ru/FORUMS2/messages/45/1509.html?106271001>.
6. Смирнов И. Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк // Известия Общества Археологии и Этнографии при Императорском Казанском Университете. Т. VII. Казань: 1889. С. 1–212
7. Марийские национальные герои. Йошкар-Ола: Центральный музей им. Валентина Колумба, 2009. 31 с.
8. Записано от экскурсовода Яранского краеведческого музея Созоновой Нины Викторовны
9. Полтыш — князь черемисий. Малмыжский край. Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба, 2003. 439 с.
10. Край наш Санчурский «Малая Родина». Киров, КИПК и ПРО. 270 с.
11. Хисамутдинов Х. Г. Устное народное творчество как средство нравственного воспитания подростков. URL: <http://docviewer.yandex.ru/?url=yaserp%3A%2F%2Fwww.tatfolk.ru> Дата обращения 30.07.2015
12. Михеев Г. Хранитель священной рощи // Семья. 39/923 от 22.09.2005. URL: <http://www.semya.ru/articles/traditsii/hranitel-svyashchennoy-roshchi-2395>
13. Календарные праздники и обряды марийцев // Этнографическое наследие. Вып. 1: Сб. материалов. Йошкар-Ола: МАПНИИЮ 2003. 285 с.

© Ходырева Ольга Владимировна (olgadesatkova@yandex.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

